Пров 32

О Государственной Думѣ.

Прошлый 1905 годъ по всей Россіи, отъ края до края, шла борьба, устраивались повсюду забастовки и демонстраціи, проливалась кровь русскихъ гражданъ. То народъ добивался свободы и лучшей доли, боролся противъ произвола и насилія бюрократіи, домогался права участія въ управленіи государствомъ.

Впереди всѣхъ шли рабочіе, своей грудью прокладывая всѣмъ дорогу. На своихъ плечахъ выносили они всю тяжесть борьбы.

9 января петербургскіе рабочіе открыто заявили требованія рабочаго класса. За петербургскими рабочими поднялся рабочій классъ всей Россіи, за рабочимъ классомъ—другіе слои населенія. Всѣ сознательные граждане Россіи, всѣ, кому тяжело жилось при существующихъ порядкахъ, всѣ угнетенные и обездоленные единодушно требовали измѣненія этихъ порядковъ.

Правительство сначала всѣми силами противилось этимъ требованіямъ и ни шагу не хотѣло уступить народу. Но къ рабочимъ стали присоединяться, кромѣ угнетенныхъ и обездоленныхъ, и другіе классы населенія—помѣщики, купцы и фабриканты. Пра-

вительство увидѣло, что противъ него поднимается уже весь народъ, что за него стоятъ только немногіе богачи да разные темные люди. Тогда правительство рѣшило пойти на уступки.

17 октября былъ изданъ манифестъ съ обѣщаніемъ полной политической свободы, а законами 6 августа и 11 декабря установлено участіе представителей населенія въ государственномъ управленіи.

Что же дано народу этими уступками, и дѣйствительно ли это уступки?

Народъ требовалъ политической свободы, иначе говоря, требовалъ, чтобы всѣ граждане имѣли одинаковыя права, чтобы всѣ могли безпрепятственно собираться и свободно говорить обо всемъ, не опасаясь тюрьмы и ссылки, чтобы въ газетахъ и книгахъ можно было писать обо всемъ полную правду, чтобы всѣ могли свободно составлять союзы и общества, чтобы всякій могъ свободно исповѣдывать свою религію, чтобы рабочіе не подвергались преслѣдованіямъ за стачки, чтобы, наконецъ, никто не могъ быть арестованъ, кромѣ какъ за преступленіе—за воровство, напримѣръ, или убійство, и не иначе, какъ по приказу судей, а не полицейскихъ.

Все это было обѣщано въ манифестѣ 17 октября, но, какъ всѣмъ извѣстно, никакой свободы на самомъ дѣлѣ не дано. Только та свобода и была, которую народъ бралъ самъ, не спрашивая разрѣшенія начальства. Безъ разрѣшенія начальства устраивались многолюдные митинги или собранія, на которыхъ говорились свободныя рѣчи, противъ воли начальства газеты и книги печатались безъ цензуры, устраивались забастовки, организовывались разные союзы. Правительство нѣкоторое время, нехотя, терпѣло это, но

скоро опять принялось за свои прежніе обычаи. Снова направо и налѣво людей стали хватать и сажать въ тюрьму и десятками разстрѣливать, поджигать деревни и разрушать пушками дома; газеты стали закрывать, за стачки и союзы начали преслѣдовать. Наступила такая „свобода“, по сравненію съ которой и прежніе порядки могутъ казаться пріятными.

Правда, правительство ссылается на то, что народъ началъ „бунтовать“, и, пока бунтъ не „усмиренъ“, свободы дать нельзя, а, дескать, потомъ, когда наступитъ полное спокойствіе, тогда и будетъ дана настоящая свобода. Но вѣдь никакой свободы правительство не давало и тогда, когда никакого „бунта“ еще не было, и самый-то „бунтъ“ былъ вызванъ тѣмъ, что оно, пообѣщавъ на словахъ свободу, на дѣлѣ оставило все попрежнему. Во всякомъ случаѣ, теперь ужъ и „бунта“ нѣтъ, а свободы все-таки не даютъ. Никакой цѣны, значитъ, не имѣетъ обѣщаніе правительства.

Итакъ, свободы правительство не даетъ, но въ то же время хлопочетъ о томъ, чтобы поскорѣе произвести выборы представителей въ государственную думу. Какъ же это такъ? Вѣдь если населенію нельзя дать свободы, то какъ же можно предоставить этому населенію выбирать своихъ представителей для участія въ государственныхъ дѣлахъ? Если за мной не признаютъ права свободно сходиться съ другими людьми и свободно обсуждать наши дѣла, значитъ, меня и другихъ моихъ согражданъ не считаютъ способными пользоваться этой свободой и судить о государственныхъ дѣлахъ, и въ томъ числѣ—о дѣйствіяхъ правительства. И въ то же время намъ предоставляютъ право выбрать своихъ уполномоченныхъ, чтобы они обсуждали госу-

дарственныя дѣла. Что-то неладное здѣсь происходитъ

Одно изъ двухъ: либо населеніе признается настолько незрѣлымъ, что ему не позволяютъ даже судить о своемъ положеніи и существующихъ порядкахъ, но тогда и подавно оно не можетъ принимать участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, хотя бы и черезъ своихъ выборныхъ представителей; а разъ за населеніемъ признается право выбирать своихъ уполномоченныхъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ правительствомъ, то въ этомъ случаѣ, понятно, населеніе не только можетъ, но и должно обсуждать всѣ государственныя дѣла, должно пользоваться свободой собраній и слова, чтобы обсудить и рѣшить, кого выбирать своими уполномоченными.

И во всѣхъ государствахъ, гдѣ выборные отъ населенія участвуютъ въ управленіи государствомъ и рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, все населеніе пользуется полной политической свободой. Да и какъ иначе можетъ быть? Вѣдь выборные отъ населенія, которые призываются къ участію въ Государственной Думѣ, должны знать желанія и нужды этого населенія, чтобы они могли быть дѣйствительными представителями его. А если они не знаютъ этихъ желаній и нуждъ, то они, конечно, не могутъ считаться представителями населенія. Тогда незачѣмъ ихъ и выбирать, такъ какъ такіе выборные будутъ такъ же далеки отъ населенія, какъ далеки отъ него правительственные чиновники. Проще было бы прямо назначить частныхъ и становыхъ приставовъ, чтобы они засѣдали въ Государственной Думѣ, въ качествѣ представителей полицейскихъ участковъ и становъ, и по своему судили и рядили о желаніяхъ и нуждахъ народа. Тогда, по крайней

мѣрѣ, было бы всѣмъ ясно, что Государственная Дума, составленная изъ такихъ „представителей", не можетъ говорить отъ имени народа.

Но правительство хорошо понимаетъ, что такая Государственная Дума никакого довѣрія не имѣла бы, и потому старается создать видимость выборовъ отъ населенія.

А какимъ же образомъ можно узнать о желаніяхъ и нуждахъ народа? Для этого необходимо, чтобы народъ могъ заявить о нихъ и могъ обсудить ихъ промежду себя. Это можно сдѣлать только на свободныхъ собраніяхъ, гдѣ всякій могъ бы свободно высказывать свои мнѣнія, всякій могъ бы возражать, и всѣ собравшіеся могли бы послѣ обсужденія принимать общія рѣшенія. Значитъ, прежде всего необходима полная свобода слова и собраній. А у насъ, какъ извѣстно, собранія до сихъ поръ не допускались и разгонялись вооруженной силой, ораторовъ же, которые смѣло и открыто говорили настоящую правду и раскрывали глаза народу на его истинныя нужды, арестовывали и сажали въ тюрьму. Какія ужъ тутъ могутъ быть обсужденія! Какъ бы только въ тюрьму не попасть да не быть избитымъ казаками и полиціей!

Впрочемъ, правительство не всѣмъ запрещаетъ собранія. Оно запрещаетъ собираться и свободно говорить только тѣмъ, кто противъ правительства, кто высказывается противъ произвола и насилія чиновниковъ, кто отстаиваетъ нужды и требованія угнетенныхъ и обездоленныхъ. А тѣмъ, кто поддерживаетъ правительство, тѣмъ, кто не заступается за права всего народа, кто не требуетъ, чтобы всему народу были предоставлены одинаковыя права, а только отстаиваетъ

интересы богатыхъ и сильныхъ, тѣмъ правительство разрѣшаетъ собираться и говорить и никого изъ нихъ въ тюрьму за это не сажаетъ.

Извѣстно, для богатыхъ и разныхъ „господъ“ одни права, имъ почетъ и уваженіе, а для бѣдноты всякаго рода, для крестьянъ и для рабочихъ, — права другія съ ними много не церемонятся: по зубамъ да въ кутузку — весь и разговоръ!

Такъ же поступаетъ правительство и съ газетами и книгами. Тѣ газеты, въ которыхъ пишутъ о народныхъ интересахъ, въ которыхъ разъясняютъ, чего долженъ требовать народъ, и рѣзко осуждаютъ теперешніе порядки и безобразія, такія газеты закрываются правительствомъ, и во многихъ мѣстахъ полиція отбираетъ ихъ у газетчиковъ. А другія газеты, въ которыхъ защищаются интересы богатыхъ и имущихъ, тѣ газеты не только не преслѣдуются, но даже поощряются. Какъ же тутъ узнать правду о народныхъ нуждахъ и желаніяхъ, когда зажимаютъ ротъ и не даютъ писать? Ясное дѣло, что не правда нужна правительству, и не нужно ему знать истинныя нужды народа. Напротивъ, оно всячески заботится о томъ, чтобы никто не могъ раскрыть народу глаза, чтобы никто не могъ разъяснить, чего нужно требовать и добиваться, и какимъ путемъ можно достигнуть уничтоженія теперешнихъ несправедливыхъ порядковъ и всякихъ притѣсненій и насилій, отъ которыхъ страдаетъ народъ.

Мало этого. При выборахъ въ Государственную Думу народу не только необходимо обсудить свои нужды и столковаться между собой о томъ, чего надо добиваться, и какимъ путемъ помочь народной нуждѣ и народному горю; народъ долженъ знать, кого ему слѣдуетъ выбирать. Понятное дѣло, народъ сталъ бы вы-

бирать только тѣхъ, кому онъ можетъ довѣрять, кто станетъ защищать его интересы. Но какъ же узнать такихъ людей? Каждый вѣдь знаетъ только своихъ знакомыхъ, и когда всѣ сидятъ по угламъ и не собираются вмѣстѣ, какъ они могутъ узнать другъ друга и намѣтить достойныхъ, честныхъ и понимающихъ дѣло людей?

Въ другихъ государствахъ, при полной свободѣ слова и собраній, всѣ граждане узнаютъ другъ друга, разбираются во всѣхъ вопросахъ и потому знаютъ, за кого подавать голосъ. Ораторы на собраніяхъ разъясняютъ, чего добивается каждая партія, какія требованія она будетъ отстаивать въ собраніи народныхъ выборныхъ. Граждане тогда могутъ судить, за какую партію имъ подавать голосъ, какая партія лучше всего защититъ ихъ интересы. И когда они узнаютъ эти партіи и рѣшаютъ, какая для нихъ лучше, тогда они и подаютъ свои голоса за тѣхъ людей, которыхъ укажетъ эта партія. Тогда они могутъ быть увѣрены, что выбранные ими люди въ точности будутъ отстаивать тѣ требованія, за которыя высказывается эта партія. У насъ, напримѣръ, теперь уже существуетъ много партій, которыя выставляютъ разныя требованія; но не всѣ онѣ могутъ свободно объявлять свои мнѣнія, которыя называются „программами“. Теперь есть у насъ слѣдующія главныя партіи: 1) русская монархическая партія или „русское собраніе“, 2) партія правового порядка, 3) союзъ 17 октября, 4) торгово-промышленная партія, 5) конституціонно-демократическая партія, 6) соціалъ-революціонная партія и 7) соціалдемократическая партія.

Изъ этихъ партій однѣ отстаиваютъ, главнымъ образомъ, интересы купцовъ, фабрикантовъ и помѣщиковъ

и не требуютъ никакихъ крупныхъ перемѣнъ въ теперешнемъ устройствѣ. Таковы первыя четыре партіи, т. е. монархическая, правового порядка, союзъ 17 октября и торгово-промышленная партія. Этимъ партіямъ предоставлена свобода устраивать собранія и проповѣдывать свои мнѣнія и устно, и въ печати.

Пятая партія—конституціонно-демократическая—тоже выражаетъ интересы имущихъ и обезпеченныхъ классовъ, но она требуетъ уже свободы для народа и уравненія правъ. Поэтому и правительство относится къ ней не такъ, какъ къ первымъ четыремъ. Собранія ей позволяютъ, но не вездѣ и не всегда, и съ опаской, газеты тоже не всегда позволяютъ, а при случаѣ и закрываютъ.

Наконецъ, партіи соціалъ-революціонная и соціалъ-демократическая, которыя защищаютъ нужды крестьянства и рабочихъ и, вообще, всего угнетеннаго и обездоленнаго народа, которыя добиваются полнаго переустройства теперешнихъ порядковъ въ государствѣ, добиваются, чтобы всѣмъ безъ различія были даны равныя права, и чтобы рѣшающая власть въ государствѣ была передана собранію выборныхъ отъ народа, — эти партіи всячески преслѣдуются. Имъ не разрѣшаютъ собраній, не разрѣшаютъ открыто высказывать свои мнѣнія, и газеты этихъ партій запрещаются и отбираются полиціей.

При такомъ положеніи дѣла народъ, конечно, не можетъ выбрать истинныхъ своихъ представителей въ Государственную Думу, которые бы твердо и честно высказывали народныя нужды и требованія и добивались бы такихъ законовъ, которые полезны и выгодны не только богачамъ и сильнымъ, но всему народу, крестьянству и рабочимъ.

Но этого еще мало. Правительственные чиновники не только препятствуютъ народу свободно выяснять и обсуждать свои требованія, они не останавливаются и предъ прямымъ насиліемъ. Всѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время посажены въ тюрьму десятки тысячъ людей, неугодныхъ правительству, изъ которыхъ многіе пользовались довѣріемъ народа и, навѣрно, были бы выбраны. Въ другихъ случаяхъ, въ деревняхъ правительственные чиновники, не стѣсняясь, прямо указываютъ, кого надо выбирать, и подговариваютъ своихъ подручныхъ, чтобы они убѣждали выбирать ихъ ставленниковъ. О такихъ случаяхъ извѣстно даже изъ газетъ. А кто знаетъ, какую власть имѣютъ въ деревняхъ земскіе начальники на волостныхъ сходахъ, какъ они умѣютъ проводить въ старшины угодныхъ имъ людей, тотъ пойметъ, что трудно будетъ крестьянамъ выбрать вѣрныхъ людей, которые постояли бы за крестьянство и не держали бы руку начальства. Были и такіе случаи, что крестьянскихъ выборныхъ просто арестовывали и увозили въ городъ, — чтобъ другимъ неповадно было выбирать неугодныхъ начальству людей. Крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже не рѣшались выбирать, чтобы не подводить подъ арестъ своихъ выборныхъ.

То же дѣлается и на фабрикахъ и заводахъ. Владѣльцы фабрикъ и заводовъ во многихъ мѣстахъ, по указанію полиціи, поувольняли всѣхъ тѣхъ рабочихъ, которые казались опасными, которые смѣло стояли за интересы рабочаго класса и требовали улучшенія его доли.

Ясное дѣло, что Государственная Дума, выбранная при такихъ условіяхъ, не можетъ выражать желаній

всего населенія. Она можетъ выражать только желанія самого правительства и той части населенія, которая его поддерживаетъ, потому что всѣхъ неугодныхъ ему людей правительство старается устранить и всячески мѣшаетъ народу обсудить свои нужды, выбрать такихъ людей, которые будутъ защищать его интересы.

Безъ свободы слова, печати и собраній и безъ неприкосновенности личности—т. е. чтобы никого безъ суда не могли арестовывать—не можетъ быть правильныхъ выборовъ. Безъ свободы это будутъ не выборы, а поддѣлка выборовъ, одна только видимость выборовъ.

Посмотримъ теперь, какія права для выборовъ даны населенію, какъ устроены эти выборы.

Избирательныя права и порядокъ выборовъ у насъ устроены такъ мудрено, что не сразу поймешь, въ чемъ тутъ сила. Ни въ одномъ государствѣ нѣтъ такого сложнаго и мудренаго устройства выборовъ, какъ у насъ.

Самое простое и самое справедливое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы право выборовъ было всеобщимъ, равнымъ и прямымъ, при тайной подачѣ голосовъ. Это значитъ, чтобы избирательное право было предоставлено всѣмъ взрослымъ людямъ, въ томъ числѣ и женщинамъ, чтобы каждый имѣлъ только одинъ голосъ—все равно, богатый онъ или бѣдный, знатный или незнатный, чтобы народъ могъ прямо выбирать представителей въ законодательное собраніе, безъ посредства всякихъ выборщиковъ и уполномоченныхъ; наконецъ, чтобы подача голосовъ была тайная, чтобы никто не опасался подать свой голосъ. Такое

устройство выборовъ—не только самое справедливое, но и единственно справедливое. Всякія отступленія отъ такого устройства нарушаютъ равенство, лишаютъ населеніе возможности выбрать такихъ людей, которые пользовались бы довѣріемъ всего населенія

Какія же избирательныя права даны намъ закономъ о Государственной Думѣ?

Выборы въ Государственную Думу *не всеобщіе*, такъ какъ не всѣмъ даны избирательныя права. Выборы эти *не равные*, потому что разнымъ слоямъ населенія даны неодинаковыя права. богатымъ гораздо больше, бѣднымъ—меньше, а самымъ бѣднымъ—вовсе не дано правъ. Женщинамъ и лицамъ моложе 25 лѣтъ тоже не дано правъ. Наконецъ, выборы *не прямые*, потому что населенію не предоставлено право прямо выбирать представителей въ Думу, а сначала выбираются уполномоченные, уполномоченные выбираютъ выборщиковъ, и только уже выборщики выбираютъ членовъ Государственной Думы. Для разныхъ слоевъ населенія установлено неодинаковое число ступеней. Для крестьянъ установлено 4 ступени, для рабочихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ — 3 ступени, для горожанъ и крупныхъ землевладѣльцевъ—2 ступени.

Потомъ выборщики отъ всѣхъ слоевъ населенія собираются вмѣстѣ, причемъ почти во всѣхъ такихъ собраніяхъ число выборщиковъ отъ землевладѣльцевъ и горожанъ больше, чѣмъ число выборщиковъ отъ крестьянъ и отъ рабочихъ. Такимъ образомъ, землевладѣльцамъ и горожанамъ, т. е. преимущественно купцамъ, чиновникамъ и владѣльцамъ домовъ, обезпечено преобладаніе, и они могутъ провести въ члены

Думы своихъ людей, не обращая вниманія на крестьянъ и рабочихъ. Разберемъ теперь подробнѣе все устройство выборовъ.

Все населеніе раздѣлено для выборовъ на разряды, и для каждаго разряда установленъ особый порядокъ выборовъ. Особый порядокъ выборовъ для крестьянъ, особый—для мелкихъ замлевладѣльцевъ, особый—для крупныхъ землевладѣльцевъ, особый—для городскихъ избирателей, особый—для рабочихъ. Разсмотримъ сначала поочередно всѣ эти порядки, а потомъ окинемъ общимъ взоромъ все устройство выборовъ.

Начнемъ съ крестьянскихъ выборовъ. Крестьяне-домохозяева, какъ извѣстно, отъ каждыхъ 10 дворовъ выбираютъ по одному уполномоченному, и эти уполномоченные образуютъ волостной сходъ, который выбираетъ волостного старшину и волостныхъ судей, учитываетъ ихъ по окончаніи срока ихъ полномочій и назначаетъ волостные сборы и расходованіе волостныхъ средствъ. Въ волостные уполномоченные крестьяне по большей части не особенно заботятся выбрать хорошихъ, вѣрныхъ людей. Мало можно принести пользы въ качествѣ члена волостного схода, который зависитъ отъ земскаго начальника, по его указанію выбираетъ старшинъ и судей и безъ его согласія не можетъ ничего рѣшать. Всѣмъ извѣстно, что часто богатые крестьяне подкупаютъ и подпаиваютъ водкой волостныхъ уполномоченныхъ, чтобы ихъ выбрали въ судьи и старшины. И часто крестьяне смотрятъ на волостной сходъ, какъ на безполезную и непріятную повинность, которую возлагаютъ иногда, на кого попало. И вотъ этотъ волостной сходъ, не пользующійся довѣріемъ населенія и находящійся подъ властью земскаго начальника,

долженъ выбирать уполномоченныхъ для участія въ выборахъ въ Государственную Думу.

Но эти члены волостного схода, помимо того, что они выбираются обыкновенно зря, безъ всякаго интереса, выбраны не всѣмъ населеніемъ. Не говоря уже о женщинахъ, которыя нигдѣ не участвуютъ въ выборахъ, избирательнаго права лишены всѣ безземельные, всѣ бездомные, всѣ не приписанные къ тому обществу, въ которомъ живутъ, всѣ батраки и, наконецъ, всѣ взрослые члены семьи, кромѣ главы семьи, домохозяина. Всѣ эти слои крестьянства не имѣютъ избирательнаго права даже по тѣмъ четыремъ ступенямъ, по которымъ участвуютъ въ выборахъ крестьяне-домохозяева, владѣющіе землей и приписанные къ данному обществу.

Итакъ, волостной сходъ является первой выборной ступенью. Не само крестьянство прямо выбираетъ членовъ Думы, а лишь волостной сходъ выбираетъ—и то не членовъ, а лишь выборщиковъ для слѣдующихъ ступеней.

Каждый волостной сходъ долженъ выбрать двухъ уполномоченныхъ въ уѣздное избирательное собраніе. Тутъ опять новая неправильность. Волости вѣдь бываютъ неравныя, иная волость въ два и три раза больше другой, но всѣ одинаково могутъ выбрать только по два уполномоченныхъ.

Мы уже указали, что волостной сходъ не можетъ считаться выразителемъ желаній крестьянства, ибо въ члены волостного схода выбираютъ зачастую, кого попало. Когда волостному сходу придется выбирать уполномоченныхъ, онъ попрежнему будетъ находиться подъ вліяніемъ земскаго начальника. И если раньше

земскіе начальники могли оказывать давленіе на волостной сходъ и заставлять выбирать въ старшины тѣхъ, кто имъ угоденъ, то надо думать, что и теперь земскіе начальники постараются оказать на сходъ все свое вліяніе. Вѣдь въ законѣ ничего не говорится о томъ, чтобы земскіе начальники совсѣмъ устранились отъ всякаго вмѣшательства; напротивъ, министерство внутреннихъ дѣлъ разными тайными „циркулярами" прямо вмѣняетъ земскимъ начальникамъ въ обязанность наблюдать за выборами.

Возможны и подкупъ и подпаиваніе членовъ волостного схода, какъ это часто бываетъ при выборахъ.

Во всякомъ случаѣ, и всякаго рода начальство, и крестьянскіе богатѣи могутъ оказывать воздѣйствіе на волостной сходъ, могутъ провести „своихъ" людей и помѣшать выбору такихъ крестьянъ, которые явились бы истинными „радѣтелями" крестьянскихъ нуждъ и сумѣли бы постоять за нихъ.

Такое воздѣйствіе было бы невозможно, если бы выборы были прямые, т. е., если бы всѣ крестьяне выбирали не уполномоченныхъ, которые должны пройти еще три ступени, а прямо членовъ въ Государственную Думу. Можно подкупить и угрозами запугать каждый отдѣльный волостной сходъ и заставить его выбрать тѣхъ, кого укажутъ, но массу крестьянства ни запугать, ни подкупить вѣдь нельзя. И если бы крестьяне, положимъ, цѣлаго уѣзда выбрали одного члена въ Государственную Думу, то ужъ, навѣрное, это былъ бы такой человѣкъ, который пользуется уваженіемъ и довѣріемъ всего крестьянства. Государственная Дума, составленная изъ такихъ выборныхъ отъ всего населенія, пользовалась бы довѣріемъ всего народа. Всѣ

знали бы, кого они выбирали, кого уполномочили рѣшать дѣла за весь народъ. Да и сами выборные чувствовали бы свою отвѣтственность предъ народомъ и знали бы, что ихъ слово только тогда будетъ вѣскимъ, когда они будутъ высказываться въ согласіи съ желаніями избравшаго ихъ народа. Такая Дума была бы дѣйствительнымъ собраніемъ выборныхъ всего народа, и только такое собраніе могло бы по справедливости рѣшить всѣ дѣла и установить такіе порядки, при которыхъ бѣднымъ трудящимся классамъ не было бы обиды. А когда выборы косвенные, когда крестьянамъ приходится выбирать сначала членовъ волостного схода, члены волостного схода выбираютъ уполномоченныхъ отъ волостей, волостные уполномоченные отъ одного уѣзда выбираютъ выборщиковъ въ губернское собраніе, а уже эти выборщики вмѣстѣ съ крестьянскими выборными отъ другихъ уѣздовъ и вмѣстѣ съ помѣщиками, горожанами и рабочими выбираютъ членовъ въ Государственную Думу, то понятно, что выбранные такимъ путемъ члены будутъ стоять далеко отъ народа, народъ ихъ не знаетъ и не можетъ имъ довѣрять. Да и сами эти выборные не будутъ чувствовать никакой отвѣтственности предъ народомъ, потому что выбиралъ ихъ не народъ, а небольшая кучка выборщиковъ, просѣянныхъ чрезъ нѣсколько ситъ.

Волостные сходы, по закону, могутъ выбирать уполномоченныхъ только изъ среды крестьянъ той же волости. Это ограниченіе придумано для того, чтобы крестьяне не могли выбрать постороннихъ людей, независимыхъ отъ мѣстнаго начальства.

Дальше, уполномоченные отъ волостей по два отъ каждой волости собираются на уѣздный съѣздъ и вы-

бираютъ положенное число выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе. Значитъ, то, что не успѣли просѣять при выборахъ волостныхъ уполномоченныхъ, можетъ быть просѣяно на уѣздныхъ выборахъ. Послѣ такой трехкратной просѣйки крестьянскихъ выборныхъ наврядъ ли останется много такихъ людей, которые постоятъ за крестьянство, а не станутъ держать сторону начальства и крестьянскихъ богатѣевъ.

Вотъ для чего придумана эта трехкратная просѣйка крестьянскихъ выборныхъ!

Но это еще не всѣ мытарства, чрезъ которыя должны пройти крестьянскіе выборные. Въ заключеніе всего, они попадаютъ въ губернское избирательное собраніе, гдѣ вмѣстѣ съ выборщиками отъ помѣщиковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, отъ городскихъ избирателей и отъ рабочихъ выбираютъ уже членовъ въ Государственную Думу.

Прежде, чѣмъ перейти къ губернскому собранію, опишемъ, какъ устроены выборы отъ другихъ слоевъ населенія.

Мелкіе землевладѣльцы, имѣющіе меньше 150, 200 или 300 десятинъ (въ разныхъ губерніяхъ различно), и настоятели церквей, владѣющіе землей, собираются въ каждомъ уѣздѣ на предварительные съѣзды и выбираютъ такое число уполномоченныхъ, сколько изъ всей ихъ земли составится полныхъ цензовъ по 150, по 200 или по 300 десятинъ (смотря по уѣзду). Крупные же землевладѣльцы, имѣющіе по 150, по 200, по 300 и болѣе десятинъ, а также арендаторы и управляющіе имѣній съ такимъ же количествомъ десятинъ, собираются вмѣстѣ съ уполномоченными отъ мелкихъ

землевладѣльцевъ и отъ каждаго уѣзда выбираютъ положенное число выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе. Такимъ образомъ, каждый крупный землевладѣлецъ приравнивается ко многимъ мелкимъ, которые вмѣстѣ имѣютъ столько земли, сколько онъ имѣетъ одинъ. Положимъ, 10 землевладѣльцевъ, имѣющихъ каждый по 20 десятинъ, всѣ вмѣстѣ могутъ выбрать одного уполномоченнаго съ правомъ одного голоса, а 1 крупный землевладѣлецъ, который имѣетъ 200 десятинъ, самъ имѣетъ 1 голосъ. Нечего сказать—справедливый порядокъ! Богатымъ больше правъ, бѣднымъ—меньше.

А если сравнить избирательныя права крестьянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, то оказывается уже вопіющая несправедливость. Всѣ крестьяне одной волости, въ которой можетъ быть больше 1000 или 2000 дворовъ, и которые имѣютъ нѣсколько тысячъ десятинъ земли, имѣютъ гораздо меньше правъ, чѣмъ 1 помѣщикъ, у котораго 200 десятинъ земли. Крестьяне выбираютъ въ губернское собраніе черезъ 3 ступени, а помѣщикъ прямо самъ подаетъ свой голосъ при выборахъ въ губернское собраніе. Видно, одинъ помѣщикъ значитъ больше, чѣмъ нѣсколько тысячъ крестьянъ. Если бы ужъ избирательныя права зависѣли отъ количества земли, такъ, чтобы у кого больше земли, тому и больше правъ, а то вѣдь и этого даже нѣтъ. Мужикамъ меньше правъ, господамъ—больше. Какого же проку можно ожидать крестьянамъ отъ такой Государственной Думы, гдѣ главное мѣсто принадлежитъ разнымъ господамъ!

Выборы отъ городовъ устроены такъ. Избирательныя права въ городахъ предоставлены: 1) домовла-

дѣльцамъ, 2) всякаго рода торговцамъ и владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, 3) всѣмъ, кто снимаетъ на свое имя отдѣльную квартиру, 4) тѣмъ, кто получаетъ жалованье или пенсію по государственной или общественной службѣ. Значитъ, вся городская бѣднота, всякіе мелкіе служащіе, всѣ, кто не снимаютъ цѣлой квартиры, а нанимаютъ лишь комнату или уголъ, всѣ они лишены избирательныхъ правъ. Лишены избирательныхъ правъ и члены семей избирателей. А такъ какъ, въ особенности въ большихъ городахъ, большинство городского населенія не имѣетъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ квартиръ, то, значитъ, избирательныя права имѣетъ меньшая часть и притомъ болѣе зажиточная часть городского населенія, бѣдняки же, составляющіе большинство городского населенія, лишены избирательныхъ правъ. И въ городахъ, слѣдовательно, проведенъ тотъ же порядокъ, что и въ деревняхъ.

При этомъ допущена еще одна неправильность, благодаря которой болѣе состоятельные городскіе жители безъ всякихъ хлопотъ могутъ воспользоваться своими избирательными правами, а менѣе состоятельные должны хлопотать, чтобы добиться занесенія въ списки избирателей. Домовладѣльцы, купцы, фабриканты, чиновники и лица, снимающія болѣе дорогія квартиры, безъ всякихъ заботъ съ ихъ стороны заносятся въ списки избирателей. А лица, снимающія болѣе дешевыя квартиры, за которыя не полагается квартирнаго налога, должны брать удостовѣренія отъ полиціи и отъ домовладѣльцевъ, чтобы воспользоваться своимъ правомъ. Это имѣетъ очень важное значеніе. Всѣмъ извѣстно, что имѣть дѣло съ полиціей не особенно пріятно, и не всѣ имѣютъ охоту и время обивать пороги полицей-

скихъ участковъ, тѣмъ болѣе, что можно потерять попусту много времени и ничего не добиться. Ясное дѣло, что многіе мелкіе квартиронаниматели предпочтутъ лучше уклониться отъ участія въ выборахъ, чѣмъ ходить по полицейскимъ участкамъ, чтобы только добиться участія въ выборахъ, польза отъ которыхъ для нихъ очень сомнительна.

А домовладѣльцы, купцы, чиновники и лица, снимающія дорогія квартиры, прямо могутъ идти на выборы. Поэтому надо ожидать, что въ то время какъ болѣе достаточные слои населенія, занесенные въ избирательные списки, въ большей своей части примутъ участіе въ выборахъ, болѣе бѣдные по большей части не пойдутъ на выборы. Слѣдовательно, скорѣе всего, что въ составѣ городскихъ избирателей большинство будутъ домовладѣльцы, купцы, чиновники, вообще—болѣе зажиточные слои населенія. Понятно, при выборахъ они и проведутъ своихъ людей, какихъ-нибудь купцовъ или чиновниковъ, которые теперь засѣдаютъ въ городскихъ думахъ и вершатъ въ своихъ интересахъ всѣ городскія дѣла. Эти выборщики и попадутъ въ губернскія и городскія избирательныя собранія.

Остается теперь сказать о выборахъ отъ рабочихъ. Избирательныя права даны далеко не всѣмъ рабочимъ, а только нѣкоторымъ группамъ ихъ. Всѣ мелкіе ремесленники, каменщики, плотники, штукатуры, кровельщики, всѣ рабочіе, занятые въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ меньше 50 человѣкъ, всякіе служащіе, сторожа, чернорабочіе—всѣ они никакихъ правъ не имѣютъ. Могутъ выбирать только тѣ рабочіе, которые работаютъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ, гдѣ не меньше 50 человѣкъ. При этомъ женщины-работницы лишены

избирательныхъ правъ. Отъ каждой такой фабрики, завода или мастерской рабочіе могутъ выбрать по одному уполномоченному, а отъ тѣхъ заведеній, гдѣ число рабочихъ свыше тысячи человѣкъ,—по одному уполномоченному отъ каждой полной тысячи.

Рабочіе, какъ и крестьяне, могутъ выбирать только изъ своей среды, и во время выборовъ постороннія лица не допускаются. Значитъ, если бы рабочіе захотѣли выбрать какого-нибудь извѣстнаго имъ человѣка, которому они вполнѣ довѣряютъ, но который не работаетъ въ данномъ заведеніи, то они не могутъ этого сдѣлать. Если, положимъ, на какой-нибудь фабрикѣ или заводѣ рабочіе намѣтили какого-нибудь смѣлаго и преданнаго рабочему классу человѣка, который умѣетъ хорошо говорить и сможетъ постоять за рабочихъ, то стоитъ фабриканту или заводчику его уволить заранѣе, и уже выбрать его будетъ нельзя. Какъ уже указано выше, господа-хозяева въ союзѣ съ полиціей и занялись повсемѣстно такой „чисткой“ и поувольняли всѣхъ передовыхъ рабочихъ, которыхъ они только знаютъ. Въ дополненіе къ этой „чисткѣ“ во многихъ заведеніяхъ на работу принято много черносотенцевъ по рекомендаціи полиціи, и эти черносотенцы играютъ роль внутренней добровольной полиціи — наушничаютъ на рабочихъ и высматриваютъ „неблагонадежныхъ“. Черносотенные листки и листки „правового порядка“ въ огромномъ количествѣ распространяются безпрепятственно. Словомъ, хозяева и полиція усиленно готовились къ выборамъ, чтобы устранить всѣхъ непокорныхъ и опасныхъ съ ихъ точки зрѣнія людей. Какіе ужъ тутъ могутъ быть правильные выборы—одно только издѣвательство надъ рабочимъ классомъ!

Эти уполномоченные отъ фабрикъ, мастерскихъ и заводовъ должны пройти еще другую ступень. Всѣ уполномоченные отъ цѣлой губерніи должны собраться вмѣстѣ и выбрать нѣсколькихъ, чаще всего одного, двухъ или трехъ выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе и тамъ уже вмѣстѣ съ выборщиками отъ остальныхъ разрядовъ — отъ крестьянъ, землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей—участвовать въ выборахъ членовъ Государственной Думы. Въ самыхъ большихъ городахъ, для которыхъ полагаются отдѣльные отъ губерніи выборы, уполномоченные отъ рабочихъ посылаютъ своихъ выборщиковъ въ городскія избирательныя собранія, которыя также выбираютъ членовъ Думы. Значитъ, въ обоихъ случаяхъ рабочіе участвуютъ въ выборахъ лишь путемъ трехстепеннаго голосованія.

Опишемъ теперь окончательные выборы. Города Петербургъ, Москва, Астрахань, Баку, Варшава, Вильна Воронежъ, Екатеринославъ, Иркутскъ, Казань, Кіевъ, Кишиневъ, Курскъ, Лодзь, Нижній-Новгородъ, Одесса Орелъ, Рига, Ростовъ-на-Дону съ Нахичеванью, Самара, Саратовъ, Ташкентъ, Тифлисъ, Тула, Харьковъ и Ярославль имѣютъ отдѣльныя отъ губерній городскія избирательныя собранія. Въ этихъ избирательныхъ собраніяхъ участвуютъ городскіе избиратели отъ этихъ городовъ. въ столицахъ (Петербургѣ и Москвѣ) по 160 человѣкъ, въ остальныхъ городахъ—по 80 человѣкъ и, кромѣ того, по нѣскольку выборщиковъ отъ рабочихъ, чаще по 1 или по 2, а въ столицахъ—человѣкъ по 10—15.

Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ городскихъ избирательныхъ собраніяхъ рабочіе имѣютъ лишь ничтож-

ное меньшинство голосовъ: 1—2 на 80, или 10—15 на 160 городскихъ выборщиковъ. Ясно, что при выборахъ членовъ Государственной Думы отъ всѣхъ этихъ городовъ голоса рабочихъ совершенно потонутъ среди голосовъ остальныхъ городскихъ избирателей, и рабочіе-выборщики ни малѣйшаго вліянія на исходъ выборовъ оказать не могутъ. Какая же польза рабочимъ отъ этихъ выборовъ? Ихъ выборщики, просѣянные уже черезъ двѣ ступени (выборы уполномоченныхъ и выборы уполномоченными выборщиковъ), только побываютъ на этихъ городскихъ собраніяхъ и посмотрятъ, какъ остальные городскіе избиратели будутъ выбирать своихъ людей. А мы уже видѣли раньше, изъ кого будутъ состоять, главнымъ образомъ, городскіе избиратели. Это будутъ преимущественно купцы, домовладѣльцы и чиновники.

Кромѣ перечисленныхъ выше 26 крупныхъ городовъ, для которыхъ установлены отдѣльные отъ губерній выборы, отъ всѣхъ остальныхъ городовъ, отъ крестьянъ и отъ землевладѣльцевъ окончательные выборы производятся въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Въ каждое губернское собраніе входятъ: 1) выборщики отъ всѣхъ уѣздныхъ съѣздовъ, избранные волостными уполномоченными отъ волостей каждаго уѣзда (значитъ, крестьянскіе представители со всѣхъ уѣздовъ губерніи, просѣянные чрезъ три сита), 2) выборщики отъ уѣздныхъ съѣздовъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отъ уполномоченныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ, 3) выборщики отъ всѣхъ городскихъ избирателей, причемъ въ составъ послѣднихъ входятъ также и живущіе въ деревняхъ купцы и промышленники, 4) выборщики отъ рабочихъ, избранные уполномоченными фабрикъ и заводовъ.

Когда губернскія избирательныя собранія соберутся, то выборщики отъ крестьянъ должны прежде всего выбрать одного члена отъ крестьянъ, а потомъ всѣ выборщики вмѣстѣ выбираютъ положенное для губерніи число членовъ Думы. Такимъ образомъ, благодаря тому, что всѣ выборщики отъ разныхъ разрядовъ должны выбирать вмѣстѣ, получается такое положеніе, что нѣкоторые разряды выборщиковъ не будутъ въ состояніи оказать вліянія на исходъ выборовъ. Пояснимъ это примѣромъ. Возьмемъ для образца такую губернію, гдѣ всѣ выборщики распредѣлены по разрядамъ примѣрно такъ, какъ по всей Россіи, вмѣстѣ взятой,— напримѣръ, Калужскую губернію.

Въ губернскомъ избирательномъ собраніи Калужской губерніи полагается:

выборщиковъ	отъ крестьянъ	30
„	„ землевладѣльцевъ .	25
„	„ городск. избирателей.	21
„	„ рабочихъ.	2
	Всего. . .	78

Если выборщики отъ городовъ и выборщики отъ землевладѣльцевъ будутъ голосовать всѣ вмѣстѣ, то они могутъ выбрать одни всѣхъ членовъ Думы, а крестьяне и рабочіе останутся не при чемъ. Въ самомъ дѣлѣ, выборщики отъ землевладѣльцевъ и отъ городскихъ жителей вмѣстѣ будутъ имѣть 46 голосовъ, а выборщики отъ крестьянъ и отъ рабочихъ—всего лишь 32 голоса. О рабочихъ, впрочемъ, и говорить не приходится, такъ какъ ихъ голоса, все равно, потонутъ среди голосовъ другихъ разрядовъ, за кого бы они ни голосовали. Такъ что для рабочихъ и въ губернскихъ собраніяхъ, какъ и въ городскихъ, участвовать нѣтъ

никакого смысла: все равно—выбирай, не выбирай, а повліять на исходъ выборовъ членовъ Думы не придется.

Раньше мы выясняли уже, что отъ землевладѣльцевъ скорѣе всего будутъ выбраны помѣщики, отъ городскихъ жителей—купцы, домовладѣльцы и чиновники, а отъ крестьянъ большею частью пройдутъ крестьянскіе богатѣи. Но допустимъ даже, что крестьянамъ по всей Россіи удалось бы выбрать своихъ настоящихъ представителей, радѣтелей крестьянскихъ нуждъ, и что всѣ крестьянскіе выборщики голосовали бы согласно за однихъ и тѣхъ же лицъ, а помѣщики и горожане голосовали бы вмѣстѣ за своихъ людей. Въ этомъ случаѣ крестьянамъ удалось бы провести своихъ представителей только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне имѣютъ больше голосовъ, чѣмъ помѣщики и горожане вмѣстѣ.

Такихъ губерній изъ общаго числа 51 губерніи Европейской Россіи всего 13, и отъ этихъ губерній должно быть выбрано 99 членовъ. Прибавляя къ этому число обязательныхъ представителей отъ крестьянства (по одному отъ губерніи) остальныхъ 38 губерній, получимъ всего 137 крестьянскихъ представителей. А всего членовъ Государственной Думы отъ 51 губерніи полагается 412. Значитъ, если бы крестьяне голосовали всѣ согласно, то составъ Думы былъ бы такой:

крестьянскихъ представителей . . .	137
представителей отъ землевладѣльцевъ и горожанъ	275
Всего . .	412

Такимъ образомъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ крестьянскіе представители составили бы только одну третью часть общаго числа членовъ Думы, остальныя двѣ

трети составляли бы представители землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей. При рѣшеніи всѣхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ крестьяне ничего не могли бы подѣлать противъ помѣщиковъ и горожанъ. Пришлось бы, положимъ, рѣшать самый важный для крестьянства вопросъ, тотъ вопросъ, отъ котораго зависитъ вся судьба крестьянства—вопросъ о землѣ, и крестьянскіе представители ничего бы не могли добиться. Какъ бы они ни доказывали, что крестьянству надо прирѣзать земли, какъ бы ни хлопотали объ этомъ, ничего бы изъ этого не вышло. Помѣщикамъ вѣдь невыгодно, чтобы крестьянамъ прибавили земли, потому что тогда крестьяне не стали бы платить такой высокой цѣны за аренду земли, какую платятъ теперь, и не стали бы за дешевую плату работать на помѣщиковъ. А городскіе представители—купцы да чиновники—покорно станутъ держать сторону помѣщиковъ, чтобы тѣ, въ свою очередь, поддержали ихъ: интересы вѣдь у нихъ одинаковые. Извѣстно, что рука руку моетъ, и достаточные слои населенія, такъ называемая „буржуазія", всегда будутъ поддерживать другъ друга. Буржуазіи, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ будетъ принадлежать не менѣе двухъ третей всѣхъ голосовъ въ Думѣ.

Но врядъ ли можно разсчитывать, что крестьянамъ удастся провести повсюду такихъ выборщиковъ, которые явились бы защитниками крестьянской бѣдноты. При отсутствіи свободы выборовъ и при сильномъ воздѣйствіи всякаго рода начальства, какъ мы уже указали выше, крестьянскіе богатѣи смогутъ въ большомъ числѣ случаевъ провести своихъ людей. А если и будутъ выбраны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представители средняго и бѣднаго крестьянства, то послѣ

просѣйки черезъ 3 сита немного такихъ представителей попадетъ въ губернское избирательное собраніе. Допустимъ все-таки, что въ губернское собраніе попадутъ представители разныхъ слоевъ крестьянства. Конечно, представители крестьянскихъ богатѣевъ будутъ голосовать вмѣстѣ съ помѣщиками, купцами и чиновниками. Интересы ихъ вѣдь тѣ же, что и помѣщиковъ.

Тогда представители средняго и бѣднаго крестьянства окажутся въ меньшинствѣ и при выборахъ останутся не при чемъ. А во многихъ губерніяхъ для этого достаточно, чтобы только нѣсколько крестьянскихъ голосовъ присоединились къ голосамъ помѣщиковъ и купцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ распредѣляются выборщики по разрядамъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьянскимъ выборщикамъ принадлежитъ большинство голосовъ. Губерніи эти слѣдующія:

Губерніи.	Число выборщиковъ отъ крестьян.	Число выборщиковъ отъ землевл.	Число выборщиковъ отъ городовъ	Всѣхъ вмѣстѣ.
Архангельская .	19	—	13	32
Астраханская. . .	24	5	16	45
Вологодская . .	46	21	13	80
Воронежская. . .	101	42	22	165
Вятская.	148	18	34	200
Казанская. . . ,	98	23	18	139
Курская	78	44	28	150
Олонецкая. . .	27	9	14	50
Пензенская. . . .	47	28	15	90
Самарская. . . .	94	48	38	180
Ставропольск. . .	33	6	8	47
Тамбовская. . , .	92	62	26	180
Уфимская. . . .	88	36	26	150

Въ губерніяхъ Вологодской, Курской, Олонецкой, Пензенской, Самарской, Тамбовской и Уфимской крестьянскимъ выборщикамъ принадлежитъ большинство лишь въ нѣсколько голосовъ. Достаточно, чтобы въ крестьянскіе выборщики попало нѣсколько крестьянскихъ богатѣевъ, которые будутъ держать сторону помѣщиковъ, и крестьяне окажутся въ меньшинствѣ. Это навѣрно произойдетъ, такъ какъ трудно допустить, чтобы богатому крестьянству не удалось провести хоть немного своихъ представителей. Для Вологодской губерніи имъ достаточно провести 7 человѣкъ изъ 46 крестьянскихъ выборщиковъ, для Курской—4 изъ 78, для Олонецкой—3 изъ 27, для Пензенской—3 изъ 47, для Самарской—5 изъ 94, для Тамбовской—3 изъ 92, для Уфимской—14 изъ 88 Отъ всѣхъ этихъ губерній должно быть 58 членовъ Государственной Думы.

Такимъ образомъ, если въ этихъ губерніяхъ крестьянскимъ богатѣямъ удастся привести хоть по нѣсколько человѣкъ своихъ, то составъ Думы окажется такой:

представителей крестьянства	79
представителей буржуазіи	333
	412,

т. е. крестьянскимъ представителямъ будетъ принадлежать меньше одной пятой части голосовъ, а остальныя четыре пятыхъ части—буржуазіи. Но можетъ быть даже и хуже этого—особенно, если постараются земскіе начальники. Само правительство, опасаясь, какъ бы не перестарались его вѣрные слуги, установило даже, чтобы отъ каждой губерніи было хоть по одному крестьянскому представителю. А то могло бы ока

заться, что благодаря усердію разнаго начальства крестьянскіе выборные были бы такъ „просѣяны", что вся крестьянская мелкота просыпалась бы чрезъ сито, остались бы одни крупные богатѣи, и въ Государственной Думѣ оказалось бы такъ мало представителей отъ крестьянства, что самому правительству было бы зазорно. Всѣмъ было бы видно, что это—не выборы, а одна лишь поддѣлка ихъ.

А что помѣщики и купечество сумѣютъ столковаться между собой, сумѣютъ выбрать на предварительныхъ собраніяхъ своихъ людей,—въ этомъ можно не сомнѣваться. Они другъ друга знаютъ, такъ какъ раньше принимали уже участіе въ выборахъ въ земства и городскія управленія. У нихъ есть уже намѣченные люди, которые всѣмъ извѣстны, и которые пріобрѣли уже нѣкоторый опытъ въ государственныхъ дѣлахъ и успѣли уже выработать свой планъ дѣйствій Эти излюбленные люди помѣщиковъ и купцовъ по большей части принадлежатъ къ извѣстнымъ партіямъ— къ партіи правового порядка, къ торгово-промышленной партіи, къ союзу 17 октября и къ русской монархической партіи. Они знаютъ, чего и какъ имъ добиваться, они сговорились уже по всей Россіи. Имъ позволяютъ и собираться и распространять въ народѣ свои листки.

Въ совсѣмъ иномъ положеніи находится крестьянство. Крестьяне знаютъ только одно, что надо какънибудь помочь крестьянской нуждѣ, надо прибавить крестьянству земли и облегчить его положеніе. А какъ этого добиться, какъ выйти на настоящую дорогу—они не знаютъ, и некому имъ разъяснить это. Тѣхъ, кто старается раскрыть крестьянамъ глаза, указать имъ

выходъ изъ ихъ тяжелаго положенія, всѣхъ такихъ людей правительство сажаетъ въ тюрьму и отправляетъ въ ссылку. Когда крестьянскіе выборщики отъ всѣхъ уѣздовъ губерніи съѣдутся на губернское избирательное собраніе, то положеніе ихъ будетъ очень трудное. Въ то время какъ помѣщики и купцы уже спѣлись между собой, крестьяне увидятъ другъ друга въ первый разъ, не будутъ знать, за кого подавать имъ голосъ. И такъ какъ при этомъ крестьянскіе представители будутъ отъ разныхъ слоевъ крестьянства, больше, конечно, отъ богатыхъ и среднихъ, то крестьянскіе голоса, вѣроятно, разобьются, а помѣщики и купцы будутъ держаться дружно. И выйдетъ такъ, что помѣщики, купцы и чиновники сумѣютъ выбрать, кого имъ надо.

Итакъ, чѣмъ же такимъ будетъ эта Государственная Дума: можетъ ли она считаться представительствомъ народа, можно ли ожидать отъ нея какой-нибудь пользы для всего народа?

Отвѣтъ ясенъ изъ всего предыдущаго. Выборы стѣснены, свободы собраній и слова нѣтъ, лучшіе люди посажены въ тюрьму, а устройство выборовъ таково, что помѣщикамъ, купцамъ и чиновникамъ заранѣе обезпечено огромное большинство голосовъ въ будущей Государственной Думѣ. Ясное дѣло, что они и приберутъ ее къ рукамъ и будутъ рѣшать всѣ дѣла въ своихъ интересахъ. А интересы богатыхъ и зажиточныхъ классовъ и интересы большинства народа—крестьянской и городской бѣдноты и всего трудящагося народа—такъ же различны, какъ интересы волковъ и овецъ, съ которыхъ волки деруть шкуры. Понятно, что волки, захвативъ въ свои руки Государственную

Думу, пропишутъ овцамъ такіе законы, что не поздоровится бѣднымъ овцамъ.

Но бюрократическое правительство ревниво оберегаетъ свои права и не хочетъ допустить, чтобы даже представители помѣщиковъ и купцовъ могли рѣшать безъ него государственныя дѣла. Для этого, кромѣ Государственной Думы, установило оно еще Государственный Совѣтъ. Государственный Совѣтъ будетъ составленъ наполовину изъ чиновниковъ, наполовину— изъ самыхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и самыхъ богатыхъ купцовъ. При обсужденіи каждаго закона сначала онъ будетъ передаваться въ Государственную Думу, а потомъ, когда она обсудитъ и рѣшитъ, — въ Государственный Совѣтъ. И Государственный Совѣтъ можетъ отмѣнить всякое рѣшеніе Думы. Значитъ, немного и пользы будетъ отъ Государственной Думы.

Министры и чиновники попрежнему будутъ безотвѣтственны, и назначеніе ихъ не будетъ зависѣть отъ Государственной Думы.

Теперь уже мы можемъ сказать, что никакихъ уступокъ народу не дано, никакого проку отъ Государственной Думы ожидать нельзя.

Съ виду Государственная Дума устроена такъ, какъ будто въ нее выбираетъ представителей значительная часть населенія, а на самомъ дѣлѣ большая часть только участвуетъ въ выборахъ, тогда какъ всѣ права предоставлены помѣщикамъ и купцамъ. Государственная Дума похожа на гнилой орѣхъ: съ виду какъ будто бы и орѣхъ, а если раскусить, то получается одна горечь.

Правительство какъ будто бы и предоставило населенію возможность выбирать, а на самомъ дѣлѣ

стѣснило выборы, чтобы населеніе не могло выбирать неугодныхъ правительству людей.

Нечего, значитъ, и надѣяться на Государственную Думу. Это—не народное представительство, а самая грубая поддѣлка подъ народное представительство, самое возмутительное издѣвательство надъ народомъ.

Народу попрежнему не дано никакихъ правъ и никакой свободы. Чиновники попрежнему могутъ чинить всякія насилія и притѣсненія, и нѣтъ на нихъ никакой управы.

Государственная Дума не нужна народу, она не улучшитъ его положенія. Она нужна только богатымъ и достаточнымъ слоямъ населенія и бюрократическому правительству, которое хочетъ поправить свои пошатнувшіяся дѣла.

Правительство теперь находится въ затруднительномъ положеніи. Денегъ у него нѣтъ, и достать ихъ негдѣ. Заграничные банкиры уже не вѣрятъ въ долгъ русскому правительству и требуютъ, чтобы самъ народъ поручился за уплату долга черезъ своихъ выборныхъ представителей. Для этого правительство и созываетъ Думу.

Если бы правительству удалась эта затѣя, если бы населеніе согласилось принять участіе въ выборахъ въ Думу и признало бы эту Думу за народное представительство, отъ этого положеніе народа только ухудшилось бы. Правительство снова собралось бы съ силами, и произволъ чинился бы попрежнему.

Государственная Дума народу не только безполезна, она вредна для него, такъ какъ съ помощью ея правительство можетъ отсрочить осуществленіе свободы, задержать справедливыя народныя требованія.

Пусть участвуютъ въ выборахъ тѣ, кому Дума выгодна.

Народъ не можетъ помириться на Государственной Думѣ, онъ попрежнему будетъ добиваться *свободы*, будетъ добиваться, чтобы всѣ имѣли *равныя избирательныя права, и чтобы собраніе выборныхъ отъ всего народа могло бы рѣшать всѣ государственныя дѣла.*

И народъ, конечно, добьется этого. Наступитъ, наконецъ, время, спадутъ цѣпи, сковывающія великій народъ, онъ поднимется во весь свой ростъ и вздохнетъ свободной грудью. Но не Государственная Дума поможетъ ему; она можетъ быть только помѣхой на пути къ свободѣ.

Если Государственная Дума будетъ созвана, она не можетъ говорить отъ имени народа, потому что она не будетъ представлять народъ, не будетъ выражать его волю. И какъ бы ни старались правительство и господствующіе классы затемнить сознаніе народа и обмануть его этой поддѣлкой народнаго представительства, народъ сумѣетъ распознать истинное значеніе Государственной Думы и сумѣетъ найти другіе пути для выраженія своей воли.

Типо-Литографія С. М. Муллеръ. Вас. Остр, 9 лин., д. 18.